

— У меня родился внук.

Я до сих пор временами вспоминаю, как лакей обратился ко мне со своей как обычно мягкой улыбкой.

«Мы ходили в храм вместе с семьёй моего сына».

«Мы купили ему на день рождения игрушечную машинку».

«Его вот-вот ожидает первый детский фестиваль».

«Мы отмечали праздник мальчиков».

«Прошлой осенью у моего внука родилась младшая сестрёнка, она такая непоседливая».

Каждый раз, когда я слышал от него эти рассказы, я видел сквозь них бесконечно повторяющиеся человеческие судьбы, подобные каплям дождя, что падают на землю, утекают в реки и вновь возвращаются на небеса, чтобы пролиться новым дождём.

И со временем этот радовавшийся появлению внука лакей приблизился к тому дню, в который ему, как и положено человеку, суждено отбросить свою брентную оболочку и возвратиться на небеса.

Когда он потерял сознание, и его доставили в учреждение, которое люди называют «больницей», я пришёл навестить его в последний раз, чтобы поблагодарить за труды, но тот посмотрел на меня совершенно ясным взглядом. Даже собираясь на тот свет, он не испытывал ни страха, ни отчаяния, и выглядел живее всех живых.

— Мне неловко говорить об этом как человеку, трудившемуся лакеем...

Это случилось за день до того как он, наконец, покинул этот брентный мир. Его душа сидела на укутанном в футон теле и неуверенно говорила со мной.

— Но не разрешишь ли напоследок попросить кое о чём?

От этих слов я изумлённо округлил глаза. Он, как старый лакей, должен прекрасно понимать, насколько глупо просить богов о чём-либо.

— Конечно, я полностью осознаю, что просить о помощи тебя при твоём авторитете среди сородичей-богов — наглое и глупое дело... но кое-что никак не даёт мне покоя.

Неужели у него ещё есть о чём просить в его состоянии?

Он собирается молить меня о продлении жизни? О наследстве или могиле? О том, чтобы что-то сообщить потомкам? В любом случае, мне, пожалуй, не стоит вмешиваться в такие вещи.

И, тем не менее, я всё же спросил, чего он желает, просто чтобы потешить любопытство.

И тогда в глазах старого человека, нашего бывшего лакея, сверкнул огонёк.

— Моё тело прослужило мне чуть больше восьмидесяти лет. За это время Япония сильно изменилась — наука и медицина сделали огромный шаг вперёд, но отношения между людьми истончились, и сегодня легко найти человека, который живёт и даже не знает своих соседей. Наверняка эта эпоха принесёт много всяческих хлопот, — он на мгновение прервался и слегка улыбнулся. — И всё же я люблю этот мир.

Его улыбка застала меня врасплох, и я наострил уши.

— В юности мне пришлось тяжело, но потом для меня наступили счастливые дни — мне не только доверили должность лакея, что помогает богам, но и благословили прекрасной женой и семьёй. Откровенно говоря, я был бы не против пожить ещё немного в их кругу, но я понимаю, что у каждого из нас свой век. То, что я смог дожить до такого возраста — тоже самое настоящее божественное благословение.

«К чему ты клонишь?» — спросил я, всё ещё не понимая, что он задумал.

И тогда он ненадолго замолк, пытаясь подобрать правильные слова.

— ...Возможно, мои слова насмешат тебя, и ты сочтёшь меня наивным дедушкой... но меня кое-что беспокоит. Я оставляю в этом мире мальчика, не примечательного ничем, кроме достижений в бейсболе. Мальчика, которого затмевают успехи сестры и которому не даёт наслаждаться жизнью неловкость. Моего внука, который может разбиться в лепёшку, но помочь ближнему.

Возможно, он как-то знал об этом, пусть даже не вылезал из больничной койки.

Что каждый день, и в дождь, и в ветер, по лестнице храма поднимается юноша, держась за больное колено.

И что юноша этот молится за здоровье своего деда.

— Я не прошу, чтобы он разбогател или достиг серьёзных высот. Я буду безмерно рад, если он сможет найти счастье даже в самой обычной жизни. И именно поэтому я прошу: не мог бы ты присмотреть за ним? Я хочу, чтобы ты ненавязчиво подсвечивал ему правильный путь, когда он заплутает. Хочу, чтобы он жил, оставаясь самим собой.

В глазах его горел сильный, непоколебимый огонь, словно он бросал вызов в лицо самой смерти.

— Это моя первая и последняя просьба.

Пожалуй, мне незачем повторять, к чему привела просьба бывшего лакея.

Что это — чистая случайность, метод исключения или же просто маленькая прихоть богов? Пусть тот человек, что читает это, рассудит сам.

Дед заботится о внуке, а внук заботится о деде.

И пусть упование на богов — отнюдь не похвальное дело...

Смотреть, как люди молятся ради других, не так уж и плохо.

Что же, сегодня в преходящем мире людей вновь начинается оживлённая пора.

Моя повесть о нем как о лакее ещё не окончена, но пока что я дам перу отдохнуть, ведь удовольствие от забавы стоит растягивать.

И если сия история будет передаваться от людей к людям, пока не поблекнет моя шкура, то у меня в этом хрупком мире появится ещё одна потеха.